

СР 195
А-58

В. АЛІТОВ

Медногорск

Медногорск
25 лет

Op 193
A-58

В. АЛЬТОВ

(1897)8.25 328
32A

9(c17)

Медногорск

В. 145-419

022
0

Странное чувство испытываешь, подъезжая к Медногорску по автомагистрали Оренбург — Орск. Развилка. Отсюда до города, как говорится, рукой подать. Но не видишь его каменистые склоны. Всюду, куда ни глянь — относительно ровная олоуховая равнина. Лишь кое-где ее разрезают долины впадающих в Уралы рек, да крошечные лесочки и озера. На десятки километров раскинулось Сарыновское плато. Вдали, к северу, синют зубцы Уральских гор, видно старая вышка телеграфного ретранслятора, словно уходящие вглубь стальные мачты линий электропередач, да чуть выступающая из-за круглой вершины макушка массивной груды, из которой на горизонте тянется густой шлейф дыма.

Медногорск спускается сверху — с двенадцатой равнины.

Город уютно разместился в седловине между горами, на их склонах, поучившись амфитеатром спускающимся к долине.

Медногорск — один из самых зеленых городов Южно-Уральского края.

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕЛЯБИНСК

1989

Оренбургская областная научная библиотека им. Н. К. Крупской

правильный курс на индустриализацию. Это было начало нового города, рожденного Октябрем, славной эпохой первых пятилеток. Он рождался в те же легендарные годы, что и Магнитогорск, Кузнецк, Комсомольск-на-Амуре.

Истоки

Самые первые поселения появились в здешних местах еще в середине прошлого столетия. Устав от кочевой жизни, башкиры оседали на земле, благо была она еще никем не мерянной. В поисках мест, удобных для основания деревень, посылали гонцов в окрестные горы и степи.

Теперь трудно сказать — это была или легенда, но старожилы рассказывают такую передающуюся от поколения к поколению историю. Суть ее я слышал и от Александра Михайловича Мозгунова, от сельского учителя и поэта Михаила Ивановича Лапыгина, и от кувандыкских краеведов, но передаю по-своему. Вот она.

Молодой джигит ехал по берегам речки, которая, извиваясь между горами, текла куда-то вдаль. Буйные травы росли по берегам, деревья подступали к самой воде. Напоил коня, напился сам. Оставив коня на лужайке с сочной шелковистой травой, стал бродить по увалам. И вдруг увидел камень, который давно искал. Им можно наточить меч, наконечник стрелы, косы, ножи, другой нехитрый инструмент скотоводов.

— Бейляу (оселок)! — восторженно крикнул Рамазан. Камней таких тут оказа-

лось много, целая россыпь. Джигит стал выбирать лучшие из них, складывать в суму. Заметив место, чтобы вернуться еще, он пошел к речке. Коня не было. Кинулся Рамазан влево, вправо, звал и голосом, и свистом — не пришел скакун.

Загоревал Рамазан: конь — все богатство бедного пастуха. То находил след, то снова терял его. Выбиваясь из сил, карабкался на крутые скалистые вершины, откуда было видно далеко окрест, снова спускался к воде. Ночь застала его в горах. Уснул Рамазан, устроившись в затишке за огромным камнем. Сон был тревожным, беспокойным. Не раз вскакивал пастух, услышав во сне знакомый перестук копыт. А чуть рассвело, пошел дальше с горы на гору. По распадкам клубились сизые клочья тумана. Но вот из-за гор выглянуло солнце, и туман словно растаял, лег искрящейся росой на травы. Огляделся Рамазан — забрел он в совершенно незнакомые, но благодатные места. Заросшая лесом долина, которую пересекала речушка с прозрачной, как слеза, водой. Там, вдали, она впадала в другую речку. Вокруг просторные поляны с богатым разнотравьем. Травы мягкие, сочные. Только щебетанье птиц да журчащая песня речки нарушали тишину. Очень понравилось ему это место. И на душе вроде бы полегало, а тут и конь тревожно заржал. Из тысячи лошадиных голосов узнал бы он его голос.

Рассказал своим сородичам о случившемся с ним приключении, о речке, на берегах которой нашел оселки, раздарил всем

камни. А речку так и стали звать Бейляу. Потом, постепенно, за долгие десятилетия трансформировалось название в Бляу (именно так она называлась в документах и на картах в начале тридцатых годов), а потом и в Бляву. Там, где сливали свои воды две реки, поселились башкиры — соплеменники Рамазана и назвали свою деревню Блявтамак — «Устье Блявы». А дальше появились и села Рамазаново, Алчимбаево, Ибрагимово, Усерган, Идельбаево и другие.

Позднее, уже в конце прошлого столетия, тут обосновались украинцы. В поисках лучшей доли переселились они сюда из Киевской, Полтавской и других губерний, привезли с собой и названия тех мест, откуда приехали, — Новокиевка, Херсонка, Полтавка, Ракитянка.

Заметно оживились эти края с началом прокладки железной дороги Оренбург—Орск. Первые метры новой линии были уложены в мае 1913 года. На строительство «чугунки» хлынул поток безземельных крестьян, рабочего люда. Этим пользовались подрядчики.

«На Оренбургско-Орской железной дороге, — писала в 1913 году столичная газета «День», — забастовало около трех тысяч рабочих, труд которых превратился в каторжный. Одной из главных причин забастовки (кроме каторжных работ на ломке камня) послужило отсутствие крытых помещений для рабочих. Наступили обильные дожди, ночи стали холодные, а рабочие живут под открытым небом. Создалась такая тревожная атмосфера среди рабочих,

что на место работ выехал вице-губернатор». Не сумев договориться с рабочими, ретивый начальник вызвал для острастки казачью полусотню. Ее расквартировали там на постоянное пребывание.

Осенью 1914 года в долине Блявы огородили колючей проволокой обширную площадь. На углах поднялись сторожевые вышки. Вскоре на разъезд Желтый привезли эшелон военнопленных — немцев, австрийцев, мадьяр, чехов. Дальше их пригнали этапным порядком во временный лагерь неподалеку от станции Блява. Военнопленные стали работать на строительстве железнодорожной линии Оренбург — Орск, на пробивке туннеля сквозь гору, ставшую на пути за разъездом Рысаево.

Строительство туннеля велось по проекту и под руководством инженеров-путейцев Э. Ф. Родзевского и С. П. Колесникова. Сквозь крепчайшие скальные породы пробивались вручную, с помощью кирок, ломов, кувалд, металлических клиньев. Отбитую породу вывозили ручными тачками. Это был тяжелый, изнурительный труд, не все его выдерживали. Вдоль дороги и у западного и восточного порталов туннеля осталось много русских и нерусских могил.

1 января 1915 года из восточного портала туннеля с победным гудком, в клубах дыма, вышел паровоз с несколькими платформами, нагруженными рельсами и шпалами. Он прошел чуть дальше того места, где сейчас станция Медногорск, и остановился. Дальше пути еще не было. Строители вели укладку земляного полотна до станции,

которой дали не очень понятное для русского слуха название Блява. Никто и предполагать тогда не мог, что не пройдет и двадцати лет, и это слово узнает вся страна.

Еще долгие годы тут, недалеко от выхода из туннеля, стояли железнодорожная будка путевого обходчика и так называемая казарма 224-го километра, в которой жили ремонтные рабочие. Позднее, уже после начала строительства, здесь будут проложены дополнительные пути и открыт десятый разъезд.

Ввод новой железной дороги намечался на 1 декабря 1916 года. Но первая мировая война надолго отодвинула этот срок. В предреволюционные годы стальные пути успели довести только до станции Сара, она долго еще была тупиковой. Строительство дороги до Орска было продолжено лишь после окончания гражданской войны, которая огненным смерчем прошла по этим местам.

В феврале сурового девятнадцатого года по невысоким горным кряжам, степной ровности Саринского плато пронесли свои боевые знамена прославленные полки 24-й Симбирской Железной дивизии, которой командовал герой гражданской войны Гая Дмитриевич Гай, а после его назначения командующим Первой армией — Василий Игнатьевич Павловский. Бойцы Железной взяли Кувандык, Бляву, Орск, изгнали дутовцев в полупустынные тургайские степи, но спустя несколько недель под натиском Южной армии Колчака вынуждены были отойти к Оренбургу. В августе 1919 года эти края теперь уже навсегда освобо-

дила от белогвардейцев 20-я Пензенская дивизия под командованием героя гражданской войны, героя обороны Оренбурга Михаила Дмитриевича Великанова.

Но еще не один год белые банды совершали набеги на железнодорожные станции, грабили поезда, громили артели строителей. Сохранилась секретная телеграмма из Оренбурга начальнику Ташкентской железной дороги о событиях, происходивших в конце ноября 1920 года: «По имеющимся НКПС сведениям с 20 часов 26 ноября до 18 часов 30 ноября перегон Кувандык — Круторожино был закрыт вследствие оперирующих там банд, для ликвидации коих из Оренбурга экстренными поездами были отправлены роты солдат Оренбургского гарнизона...» В 1921 году тут были разгромлены банды Логинова и Кужахмета, в 1922-м уничтожена кулацкая банда в районе Губерли.

В те годы, оценивая природные богатства районов, прилегающих к строящейся железной дороге Оренбург — Орск, геолог Н. Н. Тихонович писал: «Резюмируя, таким образом, наши сведения по полезным ископаемым этого края, можно сказать, что до сих пор только золото представляет реальную ценность» (имелись в виду небольшие и небогатые месторождения, на которых велась добыча драгоценного металла на приисках Кумак, Синий Шихан, Блак, Трансвааль, Солончанка, расположенных на территории нынешних Адамовского, Светлинского, Кваркенского районов).

Позднее, уже в советские годы, крупнейший ученый, академик Иван Михайлович Губкин, анализируя геологическую карту Урала, высказал предположение, что к западу от Халилова возможны богатые залежи медного колчедана — продолжение свиты уральских медно-рудных месторождений от Ревды, через Баймак до Мугоджарских гор.

В 1929 году в Орске обосновалась крупная геологическая база. Ее разведочные партии вели работу на огромной территории — в ближних и дальних окрестностях Орска и Халилова. На берегах Блявы и Херсонки в то время действовала поисковая партия инженера Еремина. Именно ему показал выходы на поверхность бурого железняка в районе Ракитянки местный крестьянин Федор Степанович Антипин. Она первой вскрыла так называемую «железную шляпу» — верхнюю окисленную часть колчеданных месторождений, состоящую из бурого железняка, а потом наткнулась на серный колчедан, но содержание меди в руде оказалось настолько незначительным, что на открытие даже не обратили внимания. Месторождение разведывали как железное. Но 17 июля 1930 года в окружной газете «Оренбургская коммуна» была опубликована статья горного инженера К. В. Полякова. В ней рассказывалось, в основном, о халиловских железняках. Но есть там и такие строки: «В районе станции Блява нами были обнаружены медные руды в форме сульфатных и углекислых соединений в кварцевых жилах, разведка на которые

начата нами в июне текущего года».

Потом поиски возглавил горный инженер азербайджанец Мамед Осад-оглы Мамедов, которого на русский манер соратники называли Мамедом Осадовичем. Это был интересный человек — участник гражданской войны, бывший военный атташе советского посольства в Турции, выпускник горной и промышленной академий. Мамедов работал заместителем начальника Орской геологической базы по производственной части. Побывав на Бляве, он так увлекся поисками, что настоял, чтобы разведку месторождения поручили ему. С ним согласились, и с мая 1932 года началось более детальное исследование.

Поисковые работы велись тогда, в основном, вручную. Буровых станков было очень мало. Рылись шурфы, канавы или шахты, так называемые «дудки». С помощью обыкновенного ворота рабочий в бадье опускался в колодезь, брал пробы грунта, потом шурф углубляли для очередной пробы, и так далее. Сотни таких «дудок» глубиной до тридцати метров и до полутора метров в поперечнике были заложены в тридцатые годы в тех местах, на безлесном плато Куян, что в переводе на русский язык означало «заяц».

В шурфах, которые закладывались в угрюмых безлюдных местах, на холмах и в распадках между ними, все чаще попадался красный железняк. Но мощность пласта была небольшой, содержание железа незначительное. Из Самары, где находился Средне-Волжский геолого-гидрогеодезиче-

ский трест, пришел приказ: «С 10 ноября 1932 года Блявскую геолого-разведочную группу ликвидировать. Геологов тов. Мамедову имущество, числящееся за ним, сдать».

Мамедов отказался выполнять этот приказ, настаивал на продолжении поисков. Его горячо поддержал главный инженер Орско-Халиловской геологической базы Иосиф Леонтьевич Рудницкий — будущий первооткрыватель нескольких крупных месторождений никелевой, железной и медной руд, лауреат Государственной и Ленинской премий.

В неполноценности этого железняка Рудницкий почувствовал еще неведомое таинство каких-то сложных процессов — и физических, и химических. А что если в ходе этих процессов медь выделилась из верхних слоев в более глубокие? После разговора с Рудницким Мамедов поделился этими соображениями с известным геологом профессором Николаем Константиновичем Разумовским. Тот сразу же отозвался вполне определенной телеграммой: «Если копнете глубже, то под железной шляпой наткнетесь на медную руду».

Группа Мамедова продолжает поиски. Но финансирование прекращено, а людям нужно платить зарплату, покупать продукты. Тогда Мамедов седлает коня и скачет в Орск. Там в гострудсберкассе берет все свои сбережения, обращается за содействием к Рудницкому. Иосиф Леонтьевич отдает Мамедову свои деньги и пишет обоснованное письмо в трест. Зарплата ра-

бочим выплачена, продукты есть, можно продержаться еще две недели.

Рудницкий и Мамедов отправляют телеграмму в Москву Орджоникидзе с просьбой о помощи. В горах за Блявой продолжается бурение, роются все новые и новые «дудки». Неизвестно, как отреагировал нарком на просьбу геологов, но не прошло и недели, как трест отменил приказ и открыл финансирование. А еще через несколько дней, пройдя через слой красных железняков, разведчики наткнулись на многометровый пласт серного колчедана.

11 ноября 1932 года по открывшемуся санному пути Мамедов повез образцы блявинской руды на Баймакский медеплавильный завод. Там, в заводской лаборатории, после тщательных исследований пришли в восторг. Анализы дали до двух процентов меди, а также небольшое количество благородных металлов.

Старейшина оренбургских геологов Иосиф Леонтьевич Рудницкий, которому Мамедов первому показал образцы медной руды и данные анализов, писал в те дни: «Мощность блявинской железной шляпы доходит до 35 метров. Ниже идет основная порода, которая содержит медь, золото и другие ценные металлы».

Мамед Осадович Мамедов поехал в Самару с небольшим, но довольно тяжелым чемоданчиком, набитым образцами медистых пиритов. Стране так нужна была медь, что были забыты все неприятности. Встречали его теперь в геологическом тресте как героя. Лаборатория дала заключение: среднее

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66